

КЛИНИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ

ЧЕЗАРЕ
ЛОМБРОЗО

ЛЮБОВЬ
У ПОМЕШАННЫХ

Клинические рассказы

Чезаре Ломброзо
Любовь у помешанных

«Алисторус»

1889

УДК 616.89
ББК 56.14

Ломброзо Ч.

Любовь у помешанных / Ч. Ломброзо — «Алисторус»,
1889 — (Клинические рассказы)

ISBN 978-5-906842-96-1

Можно ли в прямом смысле этого слова потерять рассудок от любви? Совершить преступление или умереть? Ответ очевиден. Или нет? Судебный психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо на страницах этой книги предлагает свое видение любви как формы безумия. На примере изученных им историй болезни он доказывает свою позицию.

УДК 616.89
ББК 56.14

ISBN 978-5-906842-96-1

© Ломброзо Ч., 1889
© Алисторус, 1889

Содержание

Любовь у помешанных	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чезаре Ломброзо

Любовь у помешанных

© Переводчики: Г. Гордон, К. Тетюшинова, С. Раппопорт, Н. Житкова, К. Толстой, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Любовь у помешанных

В психиатрических статистиках мы всегда можем найти порядочную круглую цифру сумасшествий от любви. Esquirol нашел между 1375 умалишенными 37 человек, потерявших рассудок от любви, 18 от ревности и 146 вследствие развратной жизни. Virgilio отметил между 1288 случаями умопомешательства 41 от любви и 17 от ревности; в другие годы он между 863 случаями нашел всего 18 от любви и 4 от распутства. У Descurel приходилось 114 таких случаев на 8275 умалишенных. Zanì нашел, что у женщин любовь оказывает влияние на умопомешательство в отношении 11:100, а у мужчин всего 4:100; но зато в неудачных супружествах отношение меняется: 17:100 у мужчин и 4:100 у женщин. В Венеции Figna между 615 умалишенными насчитал всего 1 случай от любви и 7 от развратного образа жизни¹; Adriani между 466 всего 7 от любви и 11 от половых излишеств.

Я, однако, думаю, что число действительных сумасшествий от любви значительно меньше того, которое указывают статистики. И действительно, за всю свою долговременную практику, в течение которой мне пришлось наблюдать много тысяч умалишенных, я едва могу насчитать дюжину таких случаев. Многие больные попадали ко мне с указаниями родных или близких, будто они загадочные жертвы любви, но когда я, опытный в такого рода делах, исследовал вопрос несколько глубже, то почти всегда убеждался, что дело шло не о страсти, а о похотливости, обманутом самолюбии или о физических и наследственных причинах, которые заставляли усомниться в тщательных этиологических разработках и измышлениях старых психиатрических школ.

Я знаю один только вполне ясный случай сумасшествия от любви. Дело касалось одного честного, храброго итальянца, брата полуидиота, в жену которого он в короткое время страстно влюбился, и не без взаимности. Но однажды он нашел свое место занятым человеком, которого Италия считает между лучшими своими гражданами. Он не сказал ни слова и, не совершив никакой безумной выходки, с этого дня, как бы дав себе зарок, перестал говорить и весь ушел в себя; знаками указывал он на то, что ему было нужно, знаками давал понять, как больно ему всякое сообщение с людьми; вынужденный к тому, он произносил краткое словцо и снова хранил молчание. Таким образом он прожил 18 лет и умер, но даже в последние дни его жизни я напрасно силился вырвать у него хоть одну фразу, которая бы мне указала на источник угнетавшего его недуга. Это была форма меланхолии, которую я называл бы молчаливой, а случай можно отнести к редким жертвам любви. В настоящее время (1881 г.) у Salemi Расе также находится в пользовании «бедная девушка, которой жених объявил, что не может жениться на ней; в тот же момент она поникла головой и наложила на себя печать молчания, которое длится и поднесь, а прошло с тех пор уже 15 лет. Она покидает свое место лишь для того, чтобы идти спать или подышать свежим воздухом на балконе; молча она принимает пищу и молча отвергает ее; молча она совершает прогулку и свой туалет, доказательство того, что не потухла, а лишь застыла, я сказал бы даже „окаменела“, эта благородная душа».

Между случаями сумасшествий от любви следует отметить случай филолога Александра Крудена², который, получив девятнадцати лет степень доктора теологии, влюбился в дочь одного своего соотечественника и с такой страстью выказывал ей свое чувство, что отец отказал ему от дома. Горе молодого человека было так велико, что он лишился рассудка. Спустя несколько лет он, по-видимому, выздоровел и предпринял гигантское сочинение о согласии в Библии, напечатание которого доставило ему великий почет; но он не мог получить обещанной королевой поддержки вследствие ее смерти, и его болезненное состояние возобновилось.

¹ Rendiconto Statistico Venezia, 1877.

² *Le Pierre*. *Liter, des Fous*. P. 171.

Поправившись, он напечатал странную книжонку, но затем стал корректором и проявлял лишь молчаливую печаль.

Однажды один приятель, желая развлечь Крудена, вздумал представить его одному негонианту, не зная, что сестра последнего была именно той женщиной, к которой он питал такую фатальную любовь, и, к довершению беды, случилось так, что она первая встретила его при входе в дом. Увидя ее, он с криком «Это она!» бросился назад, тесно сжав руку друга; с тех пор он более не успокоился. Преследуемый мыслью, что его должны вознаградить за умопомешательство, он серьезно предлагал сестре и друзьям, вызвавшим его, заплатить ему вознаграждение и пойти на время в одну из тюрем Англии, которую сами изберут. Затем он вообразил, что получил от Бога миссию исправителя народных нравов и стал впоследствии печатать книги, которые раздавал на улицах; кроме того, он губкой стирал со стен безнравственные афиши и терзал министров, которые, если только они не страдали подагрой, при виде его быстро убежали. А между тем он сам не был свободен от эротических стремлений, и, когда одна мисс, которую он беспрестанно преследовал, удалилась из Лондона, чтобы избежать этих преследований, он отпечатал и распространил между путешественниками молитвы, чтобы она благополучно совершила свой путь.

Гораздо реже случаи сумасшествия от счастливой любви. Я знаю лишь один такой случай, сообщенный мне профессором Адрияни. «Один только раз мне суждено было, – пишет он мне, – наблюдать восемнадцатилетнюю милую, кроткую, нравственную девушку, которая, влюбившись в молодого человека ее возраста, дошла до такой экзальтации, что всюду видела лишь жениха, шепчущего ей на ухо слова любви; она желала уйти от него и злилась, почему он ее удерживает; затем она оставила все занятия, отвергала пищу и не спала. При виде этой прекрасной девушки, одетой в белое, сдержанной и скромной, выпрямленной и неподвижной, как статуя пред балконом, с тихо поникшей красивой головой, сплетенными руками и ясным, спокойным взглядом, который меланхолически нежно терялся в небесной лазури, так и хотелось передать на полотно чистоту и прелесть ее страдания. А между тем я не стану уверять, что даже в этот момент чувственность не волновала это нежное существо».

Повторяю: случаи сумасшествия от любви крайне редки не потому, чтобы любовь действовала слабее всякой другой страсти, но именно потому, что сотрясение, вызываемое ею, так велико и внезапно, что, если оно не кончается самоубийством³, принимает ту форму острого расстройства, которое, вследствие своего быстрого течения, дает возможность избежать дома умалишенных.

Вот пример. Одна девица безумно влюблена в кузена, которому она была обещана; обыкновенные жизненные условия расстраивают свадьбу; девушка перестает говорить, не движется, не ест и лежит в постели, как бы сраженная молнией. На пятый день ей доставляют обратно возлюбленного, но слишком поздно: на шестой день она мертва.

Другая, едва убедившись в индифферентности к ней возлюбленного, заболела воспалением мозга и быстро умерла.

Следует упомянуть и о противоположных случаях сумасшествия, в которых первая супружеская ночь вызывала неожиданную меланхолию, или манию самоубийства, или полуэпилептические припадки с острым слабоумием. О таких случаях упоминают Верга⁴, Эскироль, Тозелли⁵.

³ См. мою работу «О любви в самоубийстве и преступлении» («De l'amore nel suicidio e nel delitto», 1880).

⁴ Verga («Arch. it. per le malattie mentali», 1870) описывает 17 случаев (9 женщин).

⁵ Вот два случая, доставленные мне Тозелли: «Здоровая 20-летняя крестьянка, родители которой вполне здоровы, вышла замуж за молодого человека. Брак состоялся весьма поспешно, и ее вследствие этого охватили грустные предчувствия. На свадьбе она была весела, но на следующий день супруг был поражен ее молчаливостью и необщительностью; в ближайшую ночь она отвергла ласки мужа и утром покинула его дом. Она говорила сама с собою о проклятии, имела страшные галлюцинации, не принимала пищи, не спала, пыталась убить племянника. Отправленная в больницу, она оставалась в постели

И в таких случаях необходимо предрасположение с какой-нибудь стороны, которое заставляет проявиться скрытое безумие. Шюле находит такой предрасполагающий момент в маточных рефлексах; но важной причиной также служит грубость некоторых мужей, а еще более – неудачные браки (Верга) и те общественные предрассудки, привитые латинской расе, которые делают для новобрачной переход из одного состояния в другое таким внезапным и новым. Тозелли указывает на гораздо более простую причину: холодные промывания для приостановления регул (см. примечание).

Но нас не столько интересует исследование, какое влияние оказывает любовь, как причина, на умопомешательство, сколько вопрос, как эта страсть проявляется у душевнобольных. И в этом отношении многие смотрят на вопрос неправильно. Публика, повторяя пословицу «Влюблен, как сумасшедший», полагает вместе с тем, что последние легко и часто влюбляются, в то время как можно сказать совершенно противное. Рассуждая так, можно предположить, что влюбленные одержимы хронической болезнью, в то время как любовь, по моему мнению, есть высшее проявление силы и здоровья как в человеческой жизни, так и в жизни растений и животных.

Но, помимо того, известно, что первый нравственный элемент, которого касается безумие, – именно привязанности. Вы сталкиваетесь с эгоизмом, доведенным до такой степени, которую наша фантазия едва могла бы вообразить себе. В то время как обыкновенный человек имеет потребность говорить, сообщаться с другими, делить их радости и страдания и ощущать их близость, душевнобольные избегают общества других и живут в молчании и изолированности, даже когда они группами заключены в одной и той же комнате, так что несколько больных служителей могут сдерживать тысячи сильных больных. Эта потеря привязанности, в противоположность здоровому состоянию, проявляется у них в прямом отношении к близости кровных и родственных уз, так что они могут проявлять временную радость при входе нового лица или живо чувствовать еще любовь к родине или к дальнему родственнику, но они питают злобу и даже отвращение к сыну или жене, которые до болезни были единственным предметом забот в их жизни; чем сильнее была любовь до болезни, тем сильнее проявляется ненависть теперь, и проявляется в таких жестоких поступках и клеветах, которых не придумал бы самый ловкий и непримиримый враг. Это обстоятельство более, чем умственное расстройство (которое иногда отсутствует или является незаметно), отличает душевнобольного от здорового, так что я, чтобы убедиться, вполне ли выздоровел какой-нибудь больной, имею обыкновение по прошествии нескольких месяцев сблизать его с прежними любимцами, и если я вместо сильной радости, которую в таких случаях проявляет здоровый человек, наблюдаю холодность, которая заставляет избегать, а не искать поцелуя, то я считаю этого пациента еще больным.

Немногие, напротив, выказывают преувеличенную привязанность; они покорны в обращении с домашними и боятся оскорбить их каким-нибудь пустяком; каждый раз они бросаются на колени, прося прощения за несовершенные проступки.

Скверно положение тех странных влюбленных помешанных, которых романисты никогда не могли изобразить, ни даже великий английский поэт, с таким совершенством рисовавший на сцене характеры умалишенных, и которых я назову немymi влюбленными. Это мономаньяки,

неподвижной, как статуя, заставляя прислугу опасаться, не умерла ли она; но случалось иногда, что в течение целых 24 часов она раздрающим голосом звала свою мать. Более поучителен другой случай, где сумасшествие не заставило себя ждать до другого дня после свадьбы. Мысль выйти замуж за молодого, богатого, избранного ею человека и оставить дом, где с нею дурно обращались, всецело наполнила радостью сердце красивой 19-летней девушки, которая была всегда здорова, но у которой мать страдала эпилепсией. В дни, предшествовавшие свадьбе, она ужасно много работала, чтобы оставить дом в должном порядке, и, что еще хуже, приостановила начавшуюся менструацию холодными промываниями; в день свадьбы, находясь в поезде железной дороги, ее охватили галлюцинации, затем неистовая мания, которая ухудишилась вследствие кровопускания. Я наблюдал двух помешанных сестер, которые заболели эротическим умопомешательством в ночь после свадьбы, но у них причина была наследственной, а свадьба – только удобным случаем.

большей частью целомудренные, которые, не объяснившись с воображаемым возлюбленным существом, претендуют на взаимность. Вот один такой случай.

Фар., происходящий от длинного ряда эпилептиков и маньяков, но тем не менее хороший патриот и работник, проявлял такое скудное развитие чувства общественности, что простоял в одной лавке с двумя мальчиками целый год, не проронив ни слова, так что родители этих мальчиков отняли их оттуда из боязни, чтобы они не онемели. Целомудренный и подверженный продолжительным галлюцинациям, он однажды вообразил, что одна девица, у которой он покупал мыло и масло, влюблена в него. В свою очередь он также влюбился в нее, но так как в нем сочеталась трусость людей целомудренных с трусостью мономаньяков, то он был далек от мысли проявить в словах или жестах свою любовь, а хранил ее в душе и все время опасался, что малейшим движением обнаруживает ее, подобно тому как принимал за взаимность фразы и поступки, не имевшие с любовью ничего общего, например, если она говорила ему: это очень хорошее мыло; возьмите это масло; я вам ручаюсь за доброкачественность. Эти проявления ее страсти он считал такими серьезными, что они, по его мнению, способны были скомпрометировать его честь и честь девушки, и вот по прошествии целого года таких опасных ошибок, как он это называл, он решил завершить свое ухаживание браком и для этой цели попросил руки своей «возлюбленной» в письме столь же загадочном, как и прежнее его ухаживание. Когда бедные женщины открыли наконец глаза и ответили ему, что он фантазирует, он среди бела дня представился матери своей «невесты» с вопросом, желает ли она покончить, и когда та ответила, что ей неизвестно, чтобы у них было что-нибудь общее, он убил ее ножом, прорезав ей печень, и затем спокойный и невозмутимый покинул ее дом и возвратился в Милан. Наша бодрствующая полиция никогда бы и не вздумала ловить его, да никто и не заподозрил бы его в таком преступлении, если бы он сам не явился, чтобы предать себя в руки правосудия; даже после того некоторое время сомневались в его виновности – так безупречно было его прошлое и так неясно проявление его любви. Дело выяснилось лишь после того, как обратились к моей экспертизе, благодаря которой этот психопат, смерти которого публика громко требовала, был переведен из тюрьмы в дом умалишенных, где он написал свою курьезную автобиографию и где, между прочим сказать, он, который был мне обязан жизнью, покушался с куском железа в руках на мою. Я упоминаю об этой частности, которая, по-видимому, должна гораздо более интересовать меня, чем моих читателей, чтобы еще раз показать, что, если здесь непосредственной причиной кажется любовь, она все-таки была лишь толчком, случаем или предлогом для проявления, конечно, в слишком жестокой форме болезни, которая скрывалась в нем уже долгие годы, быть может, со дня рождения.

Это был первый представившийся мне случай немой влюбленности сумасшедшего. Другой подобный случай описал Морзелли с приложением автобиографии и стихов своего больного. Последний, увидев однажды издала из своей комнаты девушку, влюбился в нее, но ничем не проявлял своего чувства даже тогда, когда иногда в праздничные дни имел возможность приблизиться к ней; но вот однажды он вдруг открыл ей и публике свою скрытую страсть торжественной пощечиной в бальной зале, продолжая после того сыпать по ее адресу то кровавые обвинения, то любовные извержения, на которые ждал полнейшей взаимности.

Третий пример представился недавно мне и Перотти в лице 50-летнего крестьянина. Заболев в молодости пеллагрой, он эмигрировал в Соединенные Штаты и в течение пяти лет трудом успел накопить себе порядочный капитал, с которым он вернулся на родину, но вернулся не исцеленным от своей болезни. Эта старая болезнь и целомудрие, сохраненное им до пожилого возраста, превратились впоследствии в эротическое умопомешательство с бредом преследования. Впервые болезнь выразилась в том, что он сделал предложение одной богатой вдове, на взаимность которой рассчитывал, несмотря на то, что она никогда до того не видела его. Предложение, конечно, не было принято, до того оно показалось нелепым. Он же вообразил и постоянно настаивал на том, что ее отец и дяди употребляют все усилия, чтобы он,

отверженный, женился на ней, и затем, чтобы отомстить ему за его воображаемый отказ, публично оскорбили его, заставив одного скульптора снять с него бюст, в котором он выглядел бы на 30 лет старше; так оно длилось до тех пор, пока, встретившись однажды с этими лицами на улице, он три раза выстрелил в них из револьвера. Арестованный, он спокойно и невозмутимо заявил, что сделал это, чтобы избавить себя от нападок, которыми они мучили его с целью заставить жениться на той женщине, и тем восстановить ее честь.

Но есть еще более печальная форма такого сумасшествия, где чрезмерная любовь сменяется чрезмерной ненавистью, как, например, у Калигулы и Нерона.

У некоторых эта противоречивая форма психического расстройства проявляется периодически. Многие жены душевнобольных сознавались мне, что их мужья в известные дни месяца переходили от излишней нежности к крайней жестокости, прося после припадков прощения и сознавая, что они одержимы болезнью, заставляющей их ненавидеть того, кого они раньше обожали. Таковы были любовь и дружба Тассо, и таковы все его герои, которые быстро любят и перестают любить. Но это был гениальный маттоид.

С этой формой умопомешательства тесно соприкасается другая, чрезвычайно трагическая и грязная, где любовь смешана с жестокостью и развращенностью и где нельзя сказать, что преобладает: любовь или ненависть, такие нечеловечески-жесткие вещи она проявляет. И здесь самый редкий пример дает нам та фатальная семья Цезарей, которая как бы предназначена историей для того, чтобы показать, до чего может дойти и как может быть терпима человеческая жестокость.

Я наблюдал случаи, которые, если только это возможно, превосходили жестокости Цезарей. Один граф, который впоследствии оставил все свое состояние одному достойному ломбардскому городу, выдумывал для своей жены, которую очень любил, такие необыкновенные мучения, что они казались бы невероятными, если бы не были официально подтверждены. Он держал ее целые дни обнаженной и замкнутой в шкафу, передавая ей через отверстие самую скромную пищу, или приглашал трубочистов, чтобы они грубо надругались над нею, в то время как он для усиления бесчестия и издевательства бегал вокруг них, играя на скрипке.

Отсюда один шаг к той половой психопатии, которая жаждет крови (*sanguinaires*).

Гофман рассказывает об одном субъекте, которого проститутки называли палачом, потому что он имел обыкновение пред совокуплением мучить и убивать кур, голубей и гусей, и о другом, который в течение нескольких месяцев тяжело ранил 15 девиц в половой орган, удовлетворяя таким способом, как он сам сознался, свой половой инстинкт, который почти периодически пробуждался в нем и уже несколько раз доводил его до онанизма и до безнравственных поступков с мальчиками и мужчинами⁶.

Майнарди описывает следующий случай, где дело, однако, идет о полуидиоте. Некий Грасси воспылал однажды ночью страстью к своей кузине, но когда та воспротивилась его желаниям, он нанес ей ножом несколько ран в живот и тем же ножом убил отца ее и дядю, пытавшихся остановить его; прикрыв затем трупы, он пошел искать удовлетворения в объятиях жены одного сельского рабочего, которая была его любовницей; но не утолив своей жажды крови, он зарезал своего собственного отца и нескольких быков, стоявших в хлеву.

Другой психопат, Филипп, находил удовольствие в том, что душил проституток. «Я люблю женщин, – объяснил он однажды, – но мне доставляет удовольствие душить их после того, как я их употребил».

Жиль де Ретц, французский маршал, убил для удовлетворения своей гнусной похотливости более 800 юношей, ассоциировав сладострастие с какой-то странной религиозной чертой.

⁶ Lehrbuch der Gerichtl. Medicin. 1871. P. 852.

Маркиз де Сад находил наслаждение в том, что, обнажив проституток, бил их до крови и потом лечил их раны; это сладострастие, смешанное с жестокостью, было для него как бы идеалом наслаждения, для которого он составил целую теорию.

Бриер де Буамон рассказывает об одном капитане, который заставлял свою возлюбленную ставить себе пиявки к половым частям перед каждым соитием; это длилось до тех пор, пока у несчастной образовалась глубокая анемия и она отправлена была в больницу. Он же упоминает и о маркизе С., который, заставив своих лакеев связать проститутку, нанес ей несколько ран, после чего пытался изнасиловать ее.

Граф Застров⁷, 50 лет от роду, обладал довольно живым умом, так что составлял даже великолепные поэмы, но был тщеславен и склонен к экзальтации, сентиментальности, эксцентричности; так, например, однажды пытался вылечить раненого брата игрой на рояли и утешить тем же способом вдову, в то время как труп ее мужа лежал еще в постели. Мать его была *hystérique*, отец его был эксцентриком, а брат его покончил самоубийством. Он сам занимался онанизмом с шестилетнего возраста и находил это занятие чем-то прекрасным и благородным; несколько раз уже он был арестован за то, что неожиданно нападал на мужчин различного возраста (от 14 до 70 лет) и, после нескольких любезных фраз, пытался обнажить их, чтобы мастурбировать с ними, оправдывая себя в стихах или в прозе следующим образом: «У меня сердце Евы и тело Адама, я не боюсь закона государства, любовь – закон всех законов, и самый великий и святой из поэтов сказал: любите друг друга». В последний раз он напал на пятилетнего мальчика и, тяжело укусив его в лицо и член, пытался задушить его.

Он был признан виновным.

От этих случаев мы переходим к той форме половой психопатии, которую в настоящее время наука отделяет от преступления и в которой любовь находит удовлетворение лишь в объятиях трупа, доходя даже до самого жестокого людоедства. Это – некрофиломания.

Georget рассказывает об одном полуидиоте, который, изнасиловав девушку, отгрыз ей часть груди и половых органов; известен также случай сержанта Бертрана, внука умалишенных прародителей, который восьми лет от роду возбуждал себя для мастурбации вырыванием внутренностей у животных; каждые 15 дней он страдал периодической головной болью, во время которой вид открытого трупа возбуждал в нем неукротимый аппетит истого антропофага. Много раз он ночью проникал на кладбище, выкапывал женские трупы, вырывал у них внутренности, наносил раны в шею и грудь, прорезывал суставы и, страшно вымолвить, находил величайшее наслаждение в прикосновении к наиболее разложившимся трупам.

Verzeni, происходящий от больной пеллагрой и кретинической семьи, с асимметрическим черепом, атрофированным с правой стороны, с чрезмерно развитой челюстью и правосторонней потерей фосфенов, задушил двух женщин и еще нескольких чуть не лишил жизни тем же способом из сладострастного удовольствия, которое он испытывал при обхватывании шеи своей жертвы, как он еще в детстве привык это делать с курами. Когда жертва была задушена, он рассекал ее труп, грыз ее члены и сосал ее кровь⁸.

После изучения всех этих случаев я не могу вполне признать справедливость приговора суда во Франции, признавшего полную виновность прошумевшего в свое время Menescalou, который 19-летним юношей разрезал на 44 куски и изжарил четырехлетнюю девочку. Во время поисков и после ареста он выказал полнейшее безразличие, покоясь на кровавых фрагментах своей жертвы и храня некоторые из них в своем кармане. Его дяди страдали алкоголизмом, а мать – умопомешательством с галлюцинациями; сам он на девятом месяце от роду заболел воспалением мозга и впоследствии страдал беспокойным сном и раздражительностью; с ранних лет онанируя, он поздно развился и был глухим, что ясно говорит о продолжительном

⁷ Casper-Limann. Handbuch. P. 190 и 495.

⁸ Lombroso. Verzeni e Agnoletti. Lora, 1875.

влиянии мозговой болезни, которой он обязан тем, что, невзирая на заботы родителей, остался лентяем и несообщительным со своими, которых много раз колотил и обкрадывал, так что был даже посажен в тюрьму; неспособный к какому бы то ни было постоянному труду и учению, домашний вор, преданный онанизму и извращенным поступкам даже с собаками, он мог служить примером той противоречивости, которую часто проявляют сумасшедшие: любя одиночество, он тем не менее искал общества самых порочных мальчиков моложе себя годами.

Еще до совершения преступления он дал знать своим сверстникам, что открыл способ задушить человека, лишив его возможности сопротивляться; он намекнул также о самом будущем преступлении, по поводу которого написал страшные стихи.

Эти стихи, написанные человеком, относившимся с таким отвращением ко всякому учению и труду, точно так же как несколько рисунков женщин, набросанных в темнице, факсимиле которых находится у меня⁹, отнюдь не способны доказать здравого ума того, кто их составил, а лишь говорят о той эстетической наклонности, которую проявляют слабоумные, и о том странном удовольствии, которое испытывают умалишенные и преступники в неразумных повествованиях о своем собственном преступлении, рискуя даже выдать себя этим. Если он, сознаваясь только в убийстве девочки, отрицал изнасилование – что, конечно, делало преступление менее тяжелым, – и утверждал, что, схватив ее за горло и встретив сопротивление и крики, он, не зная сам, что делает, задушил ее, то я полагаю, что он говорил правду, потому что он, вероятно, одним убийством удовлетворил свой половой инстинкт, который ведь анатомически невозможно было всецело удовлетворить на пятилетней девочке. Мы, несомненно, имеем здесь дело с импульсом той кровавой любви помешанных, которую так часто наблюдаем у едва развившихся юношей, онанистов, носящих в себе следы мозговых заболеваний с раннего детства. Очевидно, здесь речь идет о нравственной, а может быть, и интеллектуальной слабости, которая значительно должна была смягчить ответственность.

Но оставим эту грязь, которая издает зловоние. Нам предстоит еще познакомиться с одной более забавной формой влюбленного умопомешательства – с эротоманией, которая, по-видимому, возникла только для того, чтобы доказать действительность той платонической любви, которую Ленау, великий сумасшедший, назвал глупой любовью.

Будучи противными старичками или бедняками или тем и другим вместе, эти лица избирают предметом своей привязанности личность, выдающуюся красотой, могуществом, богатством во всей стране; они воображают, что извещают о своей любви посредством взглядов, вздохов и частых писем, которые, однако, редко отправляются по назначению, но длинные извлечения из которых сообщаются друзьям. И чем выше положение любимой особы, чем труднее доступ к ней, чем решительнее отказ, тем более они верят во взаимность; самые незначительные обстоятельства имеют для них значение самых веских доказательств, заставляющих их считать себя триумфаторами. Чтобы добиться успеха, они забывают про свои обязанности и про самые основные потребности: бледные и лишенные сна, когда любимая женщина удаляется от них, они дрожат от радости при ее возвращении. Неистощимые в своей болтливости, которая, впрочем, всегда касается одной и той же темы, они днем и ночью бредят о ней, принимают бред за действительность, и, переходя от страха к надежде, от ревности к ужасу, они покидают родных, друзей, пренебрегают общественными обычаями и способны на самые необыкновенные, самые странные, самые мучительные поступки для выполнения действительных или воображаемых приказаний своего идола (Эскироль). И все-таки они не лишены здравого смысла. Я знал одного господина, который истратил все свое состояние на подарки принцессам и королевам, которым писал образцовые по изяществу и любезности письма, и дошел однажды до того,

⁹ В тюрьмах он набросал три рисунка, из которых один изображает льва, убивающего змею. Кроме того, он сочинил много стихотворений. – *Вопjour printemps – Le temps des cerises.* – Здесь кстати вспомнить о стихотворной деятельности графа Застрова.

что для выполнения приказаний своей принцессы, против воли антрепренера, невозможным голосом пропел на сцене романс в честь ее; отправленный, после покушения на самоубийство, в больницу, он остановил свой выбор на прусской королеве, рассуждал сам с собою о брачных условиях, раздавал почести, но в то же самое время не забывал своего положения и в остальном рассуждал довольно здраво.

История свидетельствует, что эта эротомания приобретает иногда эпидемический характер, охватывает целые страны. В XIV столетии в Пуату существовала под именем Gallois и Galloise кучка энтузиастов или, попросту говоря, сумасшедших, которые добивались славы мучеников любви. Летом они носили овечьи шкуры, а зимою ходили голыми по снежным горам, так что часто некоторых из них находили умершими от холода и голода. Один из хроникеров¹⁰ пишет об этом следующее: «И все это длилось известное время, пока большинство из них не умерли от холода; многие умирали от холода и истощения возле своих подруг, а также последние вместе с ними, при издевательствах и насмешках над теми, которые были хорошо одеты и сыты. У многих из них ножом нужно было открывать рот, других приходилось отогревать, так они все были измождены и так поledenели их замерзшие члены, и я ничуть не сомневаюсь, что погибшие Gallois и Galloise действительно были мучениками любви».

О том же явлении в Испании мы узнаем из книги Сервантеса, в которой изображен один из таких эротоманов, кишевших в то время тысячами вокруг него и искоренению которых его карикатура гораздо более способствовала, чем все королевские указы и торжественные проклятия.

Недавно Бартоли сообщил, что в 1735 году во Флоренции толпа самоистязателей бегала в святую пятницу по улицам, заставляя бить себя до крови по обнаженным спинам 6666 ударами и нанося себе уколы в ноги и грудь в честь и подражание Христу, а также в честь своих красавиц, под окнами которых заставляли сильнее бить себя, издавая громкие вопли. И здесь мы имеем дело с эпидемической эротоманией под религиозным предлогом.

Впрочем, случается, что предметом любви бывает сам Бог, к которому обращаются далеко не платонические выражения любви. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть священные книги некоторых наших аскетов, например, следующее письмо истерической женщины, упоминаемой Моро: «Благодаря моему доброму повелителю (Богу) я узнала тайны своего сердца и нашла им объяснение; мне нужны сильные, могучие объятия, чтобы чувствовать, как мое сердце сливается с сердцем того, к кому меня влечет... Безграничное преобладание Бога в моей душе, его величие, которым измерялось мое ничтожество, понятие, которое я всегда имела о его божественных красотах, с малых лет заставляли меня любить его, унижать и забывать себя и видеть везде и всюду лишь его одного. Пылкая страсть его любви часто побуждала меня широко раскрывать объятия, чтобы со всею доступной мне силой прижать его к своей груди; материально я не испытывала никакого сближения с ним, но мой повелитель, соединяясь со мною, доставлял мне невыразимое блаженство. Но мало-помалу и тело (sic) стало принимать участие в восторгах души»¹¹.

Агнеса Бланбекер считалась святою в Вене во времена Рудольфа Габсбургского, и ее откровения прилежно собраны были ее исповедником. Вот некоторые из них.

Однажды ей явился Иисус Христос, весь покрытый ранами, и блаженство, которое она испытывала при созерцании этой божественной крови, было так велико, что она готова была лишиться всякого другого удовольствия, только бы сохранить это; при этом раны на руках означали для нее дарование, а на ногах – прощение; в другой раз Иисус Христос приготовил ей на кухне рагу из молока и миндаля, что означало страдание и сожаление. Однажды ей явился совершенно голый монах, и это означало позолочение церкви (!!)...

¹⁰ См. *La Curie. Mémoires sur l'ancienne chevalerie.*

¹¹ *Moreau. Des aberrations du sens génésique, 1880.*

Это – новый пример того странного сочетания эротических и религиозных стремлений, которое дало начало стольким обрядам в древности.

Я знал эротоманьяков еще более странных, которые влюблялись в существ вовсе не существующих и которые по двое (*folie a deux*) выказывали чувство, называемое нами идеологической любовью.

В апреле 1870 года в мою клинику привезены были две сестры, одержимые обе одним и тем же эротически-тщеславным умопомешательством; обе они жестикулировали и кричали в унисон, что, удерживая их в доме умалишенных, оскорбляется их благородство и что скоро придет офицер, чтобы освободить их и отомстить за них.

Одна из них, Коринна, 25 лет, с нежным лицом, каштановыми волосами, несколько продолговатым черепом, но почти нормального объема, с несколько расширенными зрачками и немного уменьшенной чувствительностью к страданию, была одержима галлюцинациями; так, например, она чувствовала запах серы и пороху и слышала голос офицера, который говорил ей то комплименты, то непристойности и к которому она обращалась со словами: «Приди и возьми меня», повторяя эти слова с невыносимым упорством, как будто бы действительно имела дело с живой личностью. Она не питает никакой привязанности к семье, но зато чрезвычайно к сестре, которой беспрерывно пожимает руки, сообщая ей надежду на свое близкое замужество с воображаемым офицером. На просьбы поведать нам, о ком она говорит, она не может ничего ответить, так как никто с нею никаких сношении не имел; от времени до времени она произносит отдельные фразы, характерные для систематического безумия, например: «У него судебные должности на ногах». Нарядно одетая, она отвергала всякое платье, которое не было из шелка, и презирала нашу пищу, она, которая в ожидании счастливого замужества питалась одними сладостями.

Другая сестра, Лаура, 27 лет, с еще более нежным лицом, одета так же изящно и имеет светлые, тонкие и густые волосы. Продольный диаметр черепа 170, поперечный 145, окружность 520; в средней части *suturae coronariae* наблюдается возвышение; зрачок неравный; чувствительность притуплена на правой стороне. Она очень интеллигентна, вежлива, сильно любит сестру, не страдает галлюцинациями, но со спокойной настойчивостью повторяет, что здесь ей не место, что она должна выйти замуж за офицера; спрошенная же, кто этот последний и как она с ним познакомилась, она ограничивается одним ответом: «Это офицер». – «Но как его имя?» – «Не знаю; я его видела только один раз на ярмарке». Часто она старается успокоить бушующую сестру, смеясь вначале над ее галлюцинациями, но затем она увлекается ее примером и кончает тем, что начинает кричать, биться головой о стену, рвать на себе волосы, подобно той.

Я старался добиться причины этого двойного умопомешательства и узнал следующее: отец их, тщеславный человек, питал страсть к алкоголю и промотал все свое состояние с друзьями; мать их была чрезвычайно пустым, горделивым существом и умерла, когда дочери были еще детьми; бабушка со стороны матери страдала горделивым бредом и внушила своим внукам идею, что, выросши, они непременно выйдут замуж за принцев и графов; дедушка со стороны матери был помешанный; одна сестра умерла от чахотки, один брат – пьяница, другой – буян, третий перенес уже маниакальный приступ, четвертый, наконец, пьяница и честолюбец, убежал в Америку, похитив отцовские вещи; а все они чрезмерно преданы республиканским и социалистическим идеям.

Лаура, относясь прилежно к своим домашним обязанностям, по временам все-таки любезничала с офицерами и унтер-офицерами; но из тщеславия отвергала их предложения, считая их ниже своего положения, которое, однако, отнюдь нельзя было назвать знатным.

Коринна, подверженная с детства головным и желудочным болям, избегала труда, также мечтая о несбыточном браке; десять лет тому назад она отклонила предложение одного чиновника, потому что однажды видела, как он ел каштановый соус; другому она отказала за то,

что он был содержателем кофейни; странная, всегда полупомешанная, она в 1866 году совсем помешалась и стала вопить, что должна выйти замуж за красавца офицера, что она графиня, богата и т. п. Сестра ее вначале относилась недоверчиво к этим галлюцинациям и только из желания успокоить ее поддерживала их, но впоследствии, благодаря постоянному пребыванию вместе с нею, сама дала убедить себя в их действительности и стала подражать ей, а затем, сошедшись на одном и том же бреде, обе стали одинаково объяснять свои ощущения. Если кто-нибудь пел на улице, то это непременно был голос их друга; если никто не являлся, то это объяснялось их недостаточно богатым туалетом. Поэтому они то и дело заказывали полные свадебные гардеробы и расхаживали по комнатам в нарядных костюмах, днем и ночью, с шелковыми зонтиками в руках, все в ожидании его прихода; но так как он не являлся, то они заказывали новые платья, тратя на это все свое состояние, и, чтобы показаться своему фантастическому поклоннику более богатыми, оставили обыкновенную пищу и стали питаться одними сладостями, считая их более подходящими для своего будущего положения. И все время кричали: «Что? Офицер? Отчего же он не приходит? Ведь мы уже одеты?». Так длилось дело до тех пор, пока в один прекрасный день им действительно представился какой-то офицер, который готов был жениться на одной из них, но они поспешили с презрением оттолкнуть его, не встретив в действительной личности того ангельского типа, который они мысленно создали себе; они никогда не выходили из дому и даже не высовывали головы в окно, чтобы при столкновении с практической жизнью их идеал не потерял своего престижа.

В моей клинике Лаура, разлученная с сестрой, вскоре успокоилась и снова взялась за труд, и только по изысканности поз и костюма да по некоторым незрелым фразам можно было судить о ее болезни. Но зато другая продолжала пребывать в состоянии острой мании; она осыпала нас проклятиями, с отвращением отвергала всякую работу, рвала все платья, которые не были из шелковой материи, и находила недостойными себя белые и чистые больничные покрывала.

Изолированная и подвергнутая лечению водою с целью вызвать у нее обещание работать и не бредить более офицером, она в течение получаса сопротивлялась водяной пытке, но в конце концов сдалась до того, что дала надеть на себя грубое больничное платье, как я это приказал сделать, чтобы вызвать более глубокий переворот; с тех пор она неустанно работала, не проявляя так резко своего безумия, которое, однако, длится и поднесь, но только в более легкой форме.

Нет ничего поразительного в том, что эти две сестры, предрасположенные столькими наследственными причинами и воспитанием, впали в сумасшествие; труднее, однако, понять, каким образом и почему обе заболели одной и той же формой безумия, которое можно назвать платонической любовью в самом крайнем ее проявлении.

Чтобы объяснить это, должно прежде всего распознать сущность идеи. Идея – это миниатюрное изображение, акустическое или оптическое, получаемое мозгом от перцепируемых предметов; когда мы здоровы и бодрствуем, впечатление каждой отдельной идеи, каждого отдельного представления до того ослабляется серией других быстро сменяющихся идей, а еще более впечатлением действительных и живых ощущений, что она, идея, не имеет возможности вполне проявлять своего преобладающего влияния; но если, как во сне, чувствительность молчит или если вследствие чрезмерного фанатизма или мании какая-нибудь идея до того преобладает в мозге человека, что все остальные бледнеют перед нею и настоящие действительные ощущения не воспринимаются более, то она выдвигается на первый план.

Мысль о возлюбленном приходит в голову всем нашим девицам, но чтобы эта идея воплотилась в воображаемом возлюбленном, которого ласкаешь, слышишь, видишь, в то время как он вовсе не существует, – для этого нужно болезненное предрасположение со стороны наследственности и воспитания, так чтобы одна известная идея заняла первенствующее место и абсолютно властвовала над всеми остальными действительными ощущениями.

Если этих причин (наследственности и воспитания) достаточно для объяснения происхождения умопомешательства в одной из сестер, то нетрудно понять, как оно передалось другой, которая, также предрасположенная наследственностью и организацией, нашла новый импульс к болезни в сочувствии к сестре и, что еще важнее, в сожительстве с нею, что развило в ней тот инстинкт подражания, который так превалирует в интеллектуально слабых индивидуумах. Известно, что многие инквизиторы, недолго после осуждения колдуний, воображали себя самих одержимыми бесом; а на острове Яве и у самоедов эпидемически господствует у женщин род умопомешательства, которое заключается в подражании движениям других.

Морель видел молодую сестру милосердия, которая, находясь в продолжение 15 дней при маниакальной больной, заболела формой умопомешательства, вполне аналогичной эротическому; как у одной, так и у другой болезнь прошла одни и те же стадии и окончилась в одно и то же время.

В «*Annales Medico-Psychologiques*» за 1863 год рассказывается о двух братьях, которых 15 января обокрали; 24 января они оба во сне или в бреду закричали: «Вор пойман» – и набросились на племянника, чуть не убив его. Один из них, продолжая пребывать в бреду преследования, вышел из дому и направился к реке, чтобы утопиться; ему помешали в этом два жандарма, которые, после жестокой борьбы, отправили его в больницу, где он вскоре после того умер от кровоизлияния в мозговые оболочки. Другой брат, ушедший из дому после первого, отправился к той же реке и утопился. Финкельбург описал¹² двенадцать случаев умопомешательства из подражания.

Эти единичные случаи, наблюдающиеся большею частью у индивидуумов одной и той же семьи, объясняют те странные формы эпидемического помешательства из подражания, которые известны были в Средние века.

Гораздо хуже фантастической любви, несомненно, та любовь, которую я назову лживой, или симулированной. Она наблюдается в особенности у истерических женщин, обвиняющих неповинных людей в том, что они изнасиловали, оплодотворили и истязали их. Одна из таких женщин, чтобы лучше доказать измышленную клевету против двух братьев, вогнала себе *in vaginam* тринадцать кусков железа, один гвоздь и целую связку стальных прутьев¹³. Другая не только утверждала, что была изнасилована, но даже что родила ребенка, убила и похоронила его; а между тем она оказалась девственницей.

Зоологическая любовь. История упоминает о тех странных умалишенных, которые питали далеко не платоническую любовь к статуям великих скульпторов Греции. Несколько лет тому назад в Милане в суровую зиму застали голого сумасшедшего, расточавшего самые пылкие ласки статуе на Piazza Fontana. Но более общеизвестен тот вид любви, которую я назвал зоологической, хотя вернее ее назвать животной.

В Пезаро я видел слабоумных и эпилептиков, имевших любовные сношения с кошками, курами и козами. Всем нам знакомы те помешанные, или маттоиды, которые оказывают ласки и благодеяния животным – главной цели их жизни. В Женеве или в Милане, если я не ошибаюсь, жила одна дама, которая с королевской щедростью содержала двадцать собак, о свадьбах и родах которых она извещала своих друзей в подобающих письмах¹⁴.

Всем известна любовь Калигулы к своему коню, ставшему под его покровительством сенатором и затем даже консулом римским, но немногим, вероятно, известно, что граф ди

¹² Zeitschr. f. Psychiatrie, 1861.

¹³ Ann. d'Hyg., 1864.

¹⁴ Один высокопоставленный богатый военный относился с такой любовью к своей собаке, что извещал об ее амурах и родах своих знакомых в настоящих циркулярах; она же, быть может вследствие чрезмерных забот, умерла во время родов; он устроил для нее великолепную гробницу, куда поставил ее труп вместе со своей фотографией, но в течение многих лет после этого не мог успокоиться. «Когда в семье, – говорил он, – возникают неприятности, меня ничто более не утешает».

Мирандола оставил в 1821 году все свое наследство рыбе, а Borscey завещал 25 фунтов стерлингов четырем своим собакам.

Но более всех выделяется в этом отношении Gama Machado, который в одном из своих 61 завещания оставил 30 тысяч франков дохода своей компаньонке за заботы о его любимых птицах и 20 тысяч в награду человеку, который, стоя на одном из сенских мостов с громадным объявлением, не давал извозчикам мучить лошадей и мулов¹⁵.

Недавно ко мне обратилась за советом знатная иностранка, рано оставшаяся вдовой, маленькая, бледная, с живым взглядом и продолговатым черепом. Страдая с девичьего возраста истерическими судорогами, большою нетерпимостью к холоду и головокружениями, она не имела никакого полового влечения к своему мужу, к которому питала живую платоническую привязанность. Овдовев, она мало-помалу влюбилась в своего голубя. «Когда я его вижу, я бледнею и затем краснею, сердце бьется в моей груди, а затем, как бы охваченная стыдом и боязнью показаться смешной или сумасшедшей, я бросаю его в сторону, но лишь затем, чтобы после еще любовнее приласкать его».

Я отнюдь не имею в виду смешивать с этими помешанными заслуженных членов общества покровительства животным; но я не могу не сознаться, что у меня возникло сомнение относительно умственной вменяемости тех людей, например, которые не побоялись публично высказать намерение взорвать динамитом всех нас, профессоров Института S. Francesco da Paola, со всеми нашими лабораториями, за то, что мы позволяем себе жертвовать для науки жизнью собак, и которые тратили массу денег на то, чтобы отвлечь собак от наших опытов и затем убивать их по-своему, в то время как эти деньги нашли бы гораздо лучшее употребление, если бы ими оказали помощь тому ближнему, который, не умея более работать вследствие старости или болезни, вынужден просить кусок хлеба и получать его слишком горьким и соленым из рук богача или священника.

Парадоксальная любовь. Есть еще другая серия безумных поступков, где половой инстинкт играет не последнюю роль; как, например, в случае с юношей, который постоянно воровал принадлежности дамского костюма, рубашки, кальсоны, чулки, из которых не делал никакого употребления, довольствуясь одним созерцанием их¹⁶. В случае, описанном Гофманом¹⁷, молодой человек, имевший многих помешанных родственников и страдавший долгое время головными болями, имел странность похищать у девушек башмаки и убегать с ними. Я не говорю уже о тех эксгибиционистах, одержимых большею частью старческим слабоумием и начинающимся общим параличом, которые находят удовольствие в обнажении своего тела перед прохожими, или, что еще более оригинально, в акте мочеиспускания в присутствии других, как это наблюдал Арндт у одного молодого человека, с детства предававшегося мастурбации, страдавшего меланхолией и каталепсией и имевшего брата-эпилептика и родителей-невротиков.

Извращенная любовь. В высшей степени странна та форма половой психопатии, которую Вестфаль¹⁸ назвал превратным половым ощущением (*conträre Sexualempfindung*), описав любопытные примеры ее. Между прочим, он описал одну девушку, которая с восьмилетнего возраста, совершенно избегая общества мужчин, чувствовала сильное влечение к женщинам, с которыми предавалась онанизму; не получив взаимности в одной новой своей страсти, она заболела неистовой манией, перешедшей затем в циркулярное сумасшествие. Она страдала головокружениями и одышкой и проявляла волчью обжорливость; лицо у нее было асимметрическое, голова маленькая; отец ее покончил самоубийством, а мать была испугана во время

¹⁵ Legrand du Saulle. La folie devant les tribunaux, 1864. P. 218.

¹⁶ Vierteljahrschr. F. Gerichte. Midizin, 1878. P. 61.

¹⁷ Op. cit. P. 355.

¹⁸ Arch. F. Psych., Berlin, II. P. 73.

беременности. Второй случай касается старого вора и мошенника, который был арестован на станции железной дороги в дамском костюме. Он был сложен и развит как мужчина, но голос его, походка и волосы были женскими. Он сознался, что с детства испытывал особенное влечение надевать на себя дамские платья и украшения и жить с женщинами, питая в то же время полное отвращение к мужчинам; когда же он пытался подавить в себе этот инстинкт, то им овладело какое-то состояние ужаса и страха. На 16-м году он, после испуга, заболел эпилептическими припадками. Находясь в услужении в одной семье, он похитил несколько платьев своей госпожи; однако платья, которые он носил, «чтобы испытать, к лицу ли они ему», были куплены на свои деньги.

Я знал одного 48-летнего психопата, который истратил все свои деньги на подарки юношам, за которыми ухаживал, желая играть роль женщины; он нападал и колотил тех из них, которые не называли его Луизой; реденькие волосы его были расчесаны и заплетены, а костюм был наполовину мужской, наполовину женский; словом, по внешности это был тип истинного педераста.

Другой чрезвычайно интересный случай опубликовал недавно Tamassia¹⁹. Крестьянин Р. С., мать которого страдает истерией, один дядя идиот, а другой причудлив, посещал школу без особенной пользы; с 12 лет он стал проявлять боязнь в обществе мужчин, а в обществе женщин выказывал какую-то стыдливую гордость, когда кто-нибудь позволял себе двусмысленное слово. Между 15-м и 17-м годом он отрастил волосы, заказал платье, которое бы лучше обрисовывало контуры его тела, и иногда говорил, что он не мужчина; в беседе с женщинами говорил «мы» и исковеркал на женский лад свое имя. Находясь в услужении у одного чиновника, он однажды услышал от него совет надеть на себя женское платье; шутка эта, однако, вполне соответствовала его влечению, и он осуществил ее: стал по-женски причесываться, надел дамский туалет, чем возбуждал всегда смех толпы, воображал себя любовницей многих мужчин и даже вообразил, что благодаря своему хозяину забеременел и родил сына!.. Шесть месяцев спустя он снова надел мужское платье, оправдываясь тем, что его побудила к тому необходимость добывать себе пропитание, так как в женском костюме никто не желал принимать его в услужение. Невзирая, однако, на это, он долгое время хранил еще у себя некоторые принадлежности дамского туалета, в которых иногда показывался на улице, но которые преимущественно носил в своей комнате, завивая себе длинные волосы, обнажая шею и высоко приподнимая юбку, чтобы видны были икры. В течение нескольких лет он исполнял обязанности слуги, предпочитая женские занятия и избегая мужских. Ему доставляло большое удовольствие, если мужчины его хвалили, признавали его красоту или подозревали в нем женщину. Из одного дома его прогнали за кражу косметических средств, а способ, употребленный им для совершения кражи, достаточно доказывает его умственное убожество: отрицая кражу, он спрятал похищенные вещи в узелок своих вещей, так что без труда был уличен. Из другого дома его прогнали за кражу кольца у хозяйки, которая, заметив это, подняла тревогу. Он же между тем надел уже кольцо на палец и, публично показывая его, как будто вещь, полученную в подарок, с фатовской ужимкой спросил, «не идет ли оно ему и не придает ли красоты». В тюрьме он допустил телесный осмотр, которому противился на свободе. Он был среднего роста и крепкого телосложения; кожа нежная, скудно покрытая волосами, извивающимися до самых плеч; лоб низкий, выдающийся в верхней части; лицо маленькое, покрытое роскошной бородой, с выдающимися скулами; нос тупой, глаза круглые, темные, брови густые; полные губы открыты и слегка улыбаются. Половые органы нормальные, голос слабый, с фальцетным тембром. Для выпуклости бюста он носил подушечки, которые должны были заменять груди, а панталоны были подбиты ватой, чтобы икры казались более круглыми.

¹⁹ Riv. sperim. di freniatria, IV, 1878. Reggio.

Гок²⁰ описывает подобные случаи у действительных помешанных. Так, например, один еврейский юноша 22 лет, тупоумный, брат помешанного, с женским лицом, страдавший галлюцинациями и занимавшийся онанизмом, обнаружил наклонность прикасаться к половым органам мужчин. Он был отпущен, но вскоре обратно доставлен за свои противоестественные наклонности.

Крафт-Эбинг рассказывает об одной девушке (мать и сестра которой были невропатками), чрезвычайно раздражительной сомнамбуле: вследствие душевного угнетения она 22 лет от роду заболела периодической манией с непреодолимым стремлением к индивидуумам своего пола и величайшим отвращением к мужчинам, которое исчезло на 28-м году. Другая девушка, происходящая от экзальтированной матери и имеющая сумасшедших сестер, в детстве страдала конвульсиями, впоследствии стала раздражительной, эксцентричной и проявляла бред преследования; на 24-м году ее охватила мания с таким влечением к особам ее пола, что невозможно было разлучать ее с ними; через два месяца этот отвратительный инстинкт совершенно исчез.

В Павии я лечил одного 13-летнего мальчика, страдавшего эпилепсией вследствие травматического ранения правой части головы; у него была чрезвычайно нежная физиономия, хорошее сложение, красивая форма черепа; при этом он был интеллигентен и честен. После первых же эпилептических припадков он стал ленивым, не способным к учению, воришкой и, что еще более странно, пассивным педерастом, так что даже шлялся по казармам. Принятый в клинику, он стал для нее настоящим бичом вследствие своей нравственной испорченности; в течение пяти лет, пробытых им в клинике, я мог наблюдать полнейшее приостановление роста и полового развития, так что мы имеем здесь дело с истинной маниакальной педерастией, вызванной приостановкой мозгового развития вследствие поранения.

Я обращаю при этом внимание на то, что почти во всех подобных случаях мы находим аномалии, указывающие на задержание развития: мало волос в бороде, недалекий ум, атрофию яичек и часто эпилепсию.

Эта форма «превратного полового ощущения» – переходный пункт к тому виду педерастов, описанных впервые Каспером, которые от рождения чувствуют влечение к пороку – единственной идеальной цели в их жизни. Вспомним здесь пространное самооправдание Застрова и про замечания Ульрихса, который в своих книжках *Vindicta*, *Atra spes*, *Inclusa*, *Gladins fovens*, основываясь на том факте, что в первые месяцы внутриматочной жизни оба пола недостаточно ясно отделены, утверждал, что нельзя исключить возможности, чтобы душа женщины заключалась в мужском теле (*anima mulieris in corpore virili inclusa*), и настаивал, чтобы церковь санкционировала законность брака между мужчинами!

Доля истины имеется в бреде жертв этой странной болезни. Дело в том, что гермафродиты и псевдогермафродиты чувствуют потребность проявлять любовь в направлении, противоположном кажущемуся полу.

Но еще более печальная и отталкивающая форма любви у помешанных – это *satyriasis* и *pimfomanis*, которые наблюдаются при общем параличе, старческом слабоумии, эпилепсии, спинальном склерозе, чахотке, гидрофобии или же вследствие чрезмерной жары, глестов, ношения слишком тесных платьев, чтения грязных книг, во время и после чрезмерных менструаций, главным же образом вследствие мастурбации, которая, как отлично выразился Эмингаус²¹, возбужденная вначале фантазией, потом со своей стороны возбуждает и раздражает последнюю и снова возбуждается ею.

Я лечил однажды мальчика-онаниста, который восьми лет от роду покушался на изнасилование своей матери. Галль наблюдал одного трехлетнего и одного пятилетнего сатириаков.

²⁰ Arch. F. Psych., V, 564.

²¹ *Emminghaus*. Allgemeine Psychopathologie. 1878.

Субъекты эти большею частью находятся в состоянии полной гиперестезии к свету, к звуку, половым ощущениям; они бросаются на женщину, не обращая внимания на ее возраст; а если им мешают, приходят в ярость и становятся вампирами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.